

В.Л. Берсенёв, д-р истор. наук, профессор,¹
г. Екатеринбург

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОРИЗОНТОВ ПЛАНИРОВАНИЯ²

Отмечается, что провал современной экономической реформы в России был обусловлен возникновением институциональных ловушек, то есть неэффективных, но устойчивых институтов или норм. В свою очередь основной причиной возникновения институциональных ловушек стала ставка на ускоренные темпы преобразований. Опыт аналогичной реформы в Китае свидетельствует, что успех или неуспех преобразований зависит от горизонта планирования.

Ключевые слова: экономическая реформа, институциональная ловушка, горизонт планирования.

Основная ценность любой теории – ее предсказательная сила, то есть способность давать прогноз определенных событий на некоторое время. Продолжительность этого периода зависит от типа событий, полноты и достоверности информации о состоянии объекта исследования. Нелинейная динамика наглядно демонстрирует, что даже в простейших физических системах существуют фундаментальные ограничения на возможность «динамического» прогноза, своеобразный «горизонт предсказуемости». Тем не менее многие характеристики исследуемых процессов могут быть предсказаны, и почти всегда можно дать хотя бы «слабый прогноз», то есть ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе.

Экономическая реформа как перерыв постепенности, своеобразная точка бифуркации при выборе аттрактором нового направления, обуславливает необходимость институционального подхода к анализу, без использования которого (в явной или скры-

той форме) изучать сколько-нибудь значимые события в длительном временном интервале просто невозможно. Соотношение между протеканием реформационного цикла и прогнозом его дальнейшего развития в идеальной модели тождественно отношению достоверного и вероятностного знания о природе и направленности преобразований, однако даже незначительное приближение к такой модели требует постоянного анализа качества институтов, данный процесс обуславливающих, обеспечивающих и сопровождающих.

Вместе с тем, для того чтобы оценить предпосылки и результаты тех или иных преобразований в хозяйственной сфере, необходимо обратиться к самому феномену реформы как особого социально-экономического явления, имеющего свою структуру и систему связей. Структуризация позволяет выявить место и значимость каждого из компонентов реформы и через них определить взаимосвязь преобразований с политическими, социальными и прочими факторами, превращающими реформу из «вещи в себе» в реальный процесс жизнедеятельности людей с их замыслами, ошибками, равнодушием и нежеланием нового.

¹ Берсенёв Владимир Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН; e-mail: colbers@bk.ru.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-02-00331а.

Предварительно необходимо уточнить соотношение понятий «реформа» и «революция». Более тщательное разграничение смысла двух ключевых терминов, характеризующих различное качество общественных преобразований, необходимо хотя бы и потому, что считавшаяся длительное время непререкаемой трактовка данных определений оставляла основания для ряда вопросов. Если рассматривать революцию как наиболее исчерпывающее определение перехода от одной социально-экономической формации к другой, тогда становятся неясными причины, по которым ряд конкретно-исторических событий, не повлиявших в значительной степени на судьбы даже отдельных стран, был назван революциями. В России две буржуазные революции не решили почти ни одной из преобразовательных задач, и в то же время реформа 1861 г. явилась рубежом, разделившим две формационные эпохи. Можно возразить, что в феврале 1917 г. было свергнуто самодержавие – наиболее зримый пережиток феодальной эпохи. Однако во второй половине XX в. аналогичные акции, столь характерные для стран «третьего мира», чаще именуются путчами или военными переворотами.

Очевидно, для снятия возникающих вопросов необходим двухуровневый подход к определению революции как смены формаций и как конкретно-исторического события, приводящего (или ориентирующего на это) к разрешению возникших на определенном этапе развития общества социально-экономических противоречий, и к качественному изменению его внутренней структуры. Вместе с тем вторая трактовка почти размывает грань между революцией и реформой, высшей целью которой также является разрешение определенных противоречий в экономической и общественной сферах.

Развести понятия «революция», «путч» и «реформа» можно через их соотношение с вопросом о власти. Вопрос о власти

В.И. Ленин называл центральным вопросом всякой революции: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и в политически-практическом значении этого понятия» [10, с. 133].

Однако захват власти только ради власти остается не более чем переворотом, и лишь в сочетании с реформационными начинаниями, оправдывающими определение революции как процесса глубинных преобразований, он приобретает значение революционного акта. А. Медушевский отмечает в качестве отличительных черт реформы, проводимой в ходе социальной революции, резкий разрыв традиций и радикальную ломку всей системы старых государственных учреждений как центрального, так и местного аппарата [13, с. 101]. Соответственно, преобразования в социально-экономической сфере, осуществляемые по инициативе политической элиты, находящейся у власти продолжительное время, будут представлять собой реформу в чистом виде. Разумеется, сама инициатива реформы может порождаться уже имеющейся опасностью потерять власть или желанием упредить возникновение подобной ситуации.

С другой стороны, по мысли С.Н. Макаимова, потребность в реформе возникает тогда, когда развитие экономики ставит под сомнение не отдельные нормы и правила хозяйственного поведения, а саму господствующую концепцию регулирования. Ее переосмысление становится основой для реализации взаимосвязанных мероприятий государства, составляющих содержание реформы [12, с. 106–108].

Ленин В.И. характеризовал реформы как «побочный продукт революционной классовой борьбы» [9, с. 147]. Если рассматривать власть как самодостаточную ценность, такой взгляд вполне оправдан, но вне классового подхода реформы как тип эволюционного движения являются собой более

общий случай, нежели революции, предполагающие симбиоз обязательной смены политической элиты у власти и следующих за этим реформационных преобразований. При такой трактовке не возникает логического противоречия между реформой и революцией как сменой формаций. Реформы, повлекшие за собой окончательное утверждение буржуазных отношений при постепенном устранении остающихся пережитков феодализма, были осуществлены во многих странах Европы, избежавших тем самым революционных катаклизмов.

Литвак Б.Г. предложил свою формулировку разницы между двумя понятиями: «Реформа совершенствует общественную структуру; революция, в том числе и “сверху”, ее меняет» [11, с. 276]. Однако в этой, по представлению автора, «азбучной марксистской истине», основанной на оттенках смысла используемых глаголов, содержится зримое противоречие. Если революция «сверху», по инициативе властей не есть реформа, то следует признать, что реформы в обществе должны инициировать какие-то неведомые силы «сбоку», обладающие для этого достаточными возможностями.

Таким образом, под *экономической (хозяйственной) реформой* следует понимать совокупность мероприятий, осуществляемых центральной властью с целью преодоления назревших социально-экономических противоречий посредством замены утратившего эффективность механизма регулирования экономических процессов другим.

Отсюда очевидно, что анализ внутреннего содержания феномена реформы должен лежать вне определения социального статуса и идейно-классовых предпочтений реформаторов и опираться на другие критерии. Попытавшись сформулировать ряд общеметодологических положений теории экономических реформ, А.Е. Когут предложил несколько вариантов классификации [6, с. 16–18], из которых только классификация реформ по содержанию (экономико-

трудовые, управленческие, финансовые, ценовые и др.) можно оценивать как значимую. Прочие варианты классификации: по размаху (от локальных до международных) и по совокупности преобразуемых сторон (дифференциальные и комплексные) не имеют принципиального теоретического значения, а классификация по сферам производства, товарообмена и потребления представляется вообще надуманной.

Несколько декларативный характер носит у А.Е. Когута перечисление основных принципов реформы. Часть из них: своевременность, готовность, непрерывность, регулируемость, сопровождаемость, надежность, а также эффективность и защищенность людей от воздействия негативных сторон реформы – представляют собой скорее пожелания к непосредственным исполнителям намеченных преобразований и вряд ли могут претендовать на роль методологических основ. В то же время совершенно правильно указывается на то, что первоисходным принципом является целенаправленность, с которой логически увязываются принципы оптимальности, многовариантности, системности и комплексности.

Несомненно, основополагающие принципы должны фокусироваться в целевой установке реформы и ориентированной на нее концепции преобразований. Под *целевой установкой* следует понимать краткую характеристику изменений в социально-экономической и политической организации общества, достижение которых предполагается в результате осуществления реформы. При этом если целевая установка неизбежно будет носить наиболее общий характер, то концепция должна представлять собой научно-обоснованные принципы: а) реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности; б) изменения места и функций отдельных его элементов; в) соответствующей перестройки органов государственной власти и управления.

Опосредующим звеном между постановкой цели и разработкой концепции становится на начальном этапе деятельности реформаторов выбор объекта реформирования. Его можно охарактеризовать как составляющие механизм регулирования экономических процессов институциональные нормы и правила, а также представляющие их субъекты хозяйственной деятельности, которые подлежат замене в процессе реализации реформы.

Данная конструкция аналогична предлагаемой авторами учебного пособия «Основы теории экономических нововведений» характеристике трех обязательных компонентов нововведения: цели – как конечного результата; метода – как стратегии его достижения; формы – как способа обеспечения связи целей и средств их достижения [4, с. 16–17].

Опыт трансформации различных хозяйственных систем показывает, что смена объектов реформирования подчиняется определенной логике. Первоначально в центре преобразований оказываются отношения собственности на средства производства, далее объектом реформирования становятся формы организации производства, и лишь потом в этой роли выступает механизм регулирования хозяйственных процессов и представляющие его институты, вынужденные приспособляться к новым производственным отношениям.

Своеобразным материальным воплощением концепции преобразований является комплекс правовых актов, юридически закрепляющих нормы и правила реорганизации системы социальных и экономических институтов, образующих в совокупности механизм регулирования хозяйственной деятельности. В результате успешной реализации реформаторского замысла концепция преобразований занимает при неизбежной трансформации в деталях место официальной концепции регулирования хозяйственной деятельности – теоретической основы конкретной экономической политики.

Немаловажную роль в обеспечении успеха играет специальный *механизм реализации*, призванный претворять в жизнь все намеченные мероприятия и представляющий собой совокупность органов власти и управления, а также политических и общественных организаций, законодательно ориентированных на осуществление предполагаемых преобразований. Механизм реализации может включать в себя либо ранее существовавшие, либо вновь созданные учреждения и организации, но они обязательно должны аккумулировать реформационные импульсы и быть наделены соответствующими полномочиями для институционализации нового механизма регулирования хозяйственной деятельности.

Диалектика смены концепций экономической политики обусловлена тем обстоятельством, что составляющие механизм регулирования институциональные нормы и правила никогда полностью не совпадают с объективными связями и отношениями, присущими народному хозяйству как целостной системе. Данное несоответствие обусловливается как ограниченными возможностями познания закономерностей социально-экономического развития, так и мобильностью процессов в народном хозяйстве, периодически ставящих под сомнение адекватность стабильных нормативов экономического поведения меняющейся ситуации. Неспособность действующего механизма регулирования обеспечить упорядоченность экономической жизни, возрастание роли и значения неинституциональных норм хозяйственного поведения (вплоть до криминализации процедур принятия решений) выступают в качестве индикатора, указывающего на вызревание потребности в новой реформе.

Специального рассмотрения требует вопрос о соотношении объектов реформирования и направлений преобразований. Представляется логичным, что не направления преобразований будут определять объект реформирования, как на это указы-

вает С.Н. Максимов [12, с. 109], а наоборот, заданный целевой установкой объект выявит приоритетные направления деятельности реформаторов. Вместе с тем взаимобусловленность объекта реформирования и целевой установки, а через нее и других компонентов реформы, нельзя свести к линейному соотношению. Схематически она может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Несомненно, ведущим компонентом является концепция реформы, поскольку именно она должна предусматривать необходимые меры по реорганизации системы связей в механизме регулирования хозяйственной деятельности, изменение места и функций отдельных его элементов и соответствующую перестройку органов государственной власти и управления, закрепляемые в нормативных документах. От проработанности и обоснованности концепции зависят характер и масштабы полномочий органов по реализации реформы. Наконец, в ней опосредованно отражаются амбиции, ожидания, корыстные интересы

политической элиты, задавшей целью реформировать общество и экономику. В конечном счете саму концепцию можно рассматривать как результат борьбы внутри правящей элиты и с идейными противниками вне ее по вопросу о социально значимых целях назревших преобразований и объектах реформистского воздействия. Отсюда ход и результаты преобразований будут оцениваться аналитиками, исходя из собственных политических и иных пристрастий.

Следует признать, что за двадцать с лишним лет, прошедшие после начала рыночных преобразований, неоднократно предпринимались попытки проанализировать происходящее и дать ему оценку, «встроить» реформу в контекст российской цивилизации. В ранних публикациях [1, 5 и др.] еще сохраняет свою актуальность проблема выбора концептуальных основ и конкретных механизмов реформирования народного хозяйства страны. Во второй половине 1990-х гг. приходит время осмысления сделанного, оценки

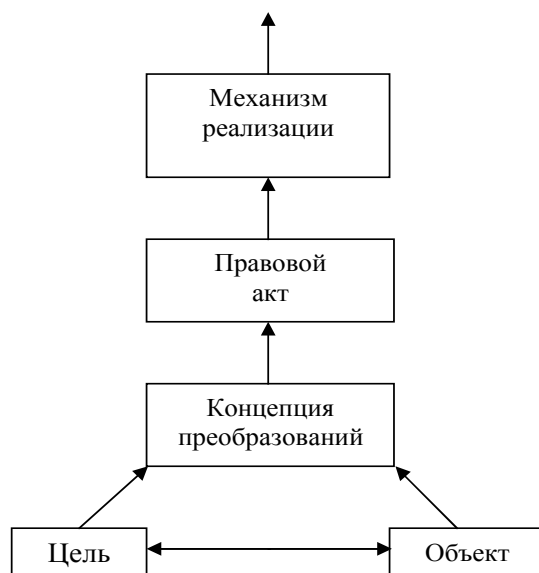

Рис. 1. Компоненты экономической (хозяйственной) реформы

правильности/ложности выбора и определения перспектив [18, 21 и др.].

Эта тенденция сохраняла свое значение и в течение 2000-х гг., хотя следует признать, что официальный юбилей – 20-летие с начала рыночных преобразований – прошел почти незамеченным. В качестве показательного исключения можно назвать реализованный по инициативе российской академии наук проект «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» (научный руководитель академик О.Т. Богомолов), результатом чего стал ряд крупных публикаций, в том числе и сборник статей известных ученых-обществоведов и общественных деятелей «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» [14].

Сборник открывается небольшим разделом под показательным названием «Диагноз экономике России». Академики О.Т. Богомолов и Р.И. Нигматулин, а также профессор Б.И. Нигматулин с помощью конкретных расчетов обоснуют мысль, на уровне обыденного сознания уже давно воспринимаемую как аксиома – современная экономическая реформа, мягко говоря, не удалась. С ними солидарны и авторы всех последующих разделов, посвященных духовно-нравственным основам общественного развития, общественно-политическому устройству страны, ее интеллектуальному, научно-техническому и демографическому потенциалу, а также российской элите – явлению эфемерному и от того тем более непознанному. Между тем ход и результаты современной экономической реформы в России нуждаются не столько в публицистических дебатах на тему: «Что это было?», сколько в теоретическом осмыслении, в том числе и с позиций современного институционализма.

В настоящее время практически не вызывает споров тезис, согласно которому первые же неудачи в процессе реформирования российской экономики в 1992 г. объясняются в первую очередь институ-

циональной слабостью «правительства реформаторов», предпочитавшего для достижения макроэкономической стабильности использовать преимущественно набор инструментов и методов, объединяемых понятием «Вашингтонский консенсус», но непоследовательно и малоуспешно. Даже такой известный экономист-западник, как А. Илларионов, подводя первые итоги преобразований, лишь февраль 1992 г. назвал «медовым месяцем» экономической реформы, после чего началась «тихая контрреформа», и следствием «безответственной популистской политики стало резкое падение курса рубля, опустошение товарных запасов, взрывной рост цен, падение жизненного уровня подавляющего большинства населения» [5, с. 25; 26]. Следует при этом оговориться, что давалась эта оценка еще в первой половине 1990-х гг., когда сакрализация любых действий младореформаторов во главе с Е.Т. Гайдаром еще не стала идейной обязанностью публицистов и аналитиков из числа представителей либерально-сахаровского бомонда.

Логическим следствием институциональной слабости центрального звена механизма реализации реформы явились так называемые институциональные ловушки, то есть неэффективные, но устойчивые институты или нормы. При этом сам автор данного определения – В.М. Полтерович – наряду с ловушками как побочными продуктами институциональных решений отдельно рассматривал ловушки, возникающие в результате трансплантации (целенаправленного «пересаживания») западных институтов в экономику развивающихся стран [15, 16 и др.].

Казалось бы, трансплантация на российской почве таких институтов, как рыночно ориентированные организационно-правовые формы хозяйствования (акционерные общества и т. п.), коммерческие банки, биржи и др., не должна была вызывать трудностей, особенно с учетом того, что институциональные инновации не могут быть

предметом торга, и их имитация не требует каких-либо платежей в соответствии с нормами авторского права. Однако практика первого этапа преобразований наглядно показала, что простое заимствование институтов западной экономики не обеспечивало должного эффекта.

Иными словами, возникали дисфункции трансплантируемых институтов. В.М. Полтерович выделил четыре возможных варианта такого рода дисфункций:

1. Атрофия и перерождение института.
2. Активизация альтернативных институтов и отторжение трансплантантов.
3. Институциональный конфликт как результат различия институциональных условий страны-донора и страны-реципиента.
4. Парадокс передачи, когда в результате страна-донор выигрывает за счет страны-реципиента.

В той или иной мере все четыре варианта дисфункций можно было наблюдать по ходу реализации реформы не только в течение 1990-х гг., но и в начале XXI столетия. В данном случае институциональная слабость исполнительной власти проявлялась как в неспособности обеспечить соблюдение новых «правил игры» (организованные преступные группировки как *alter ego* реформаторов были заинтересованы не в «совершенной конкуренции» из учебников *economics*, а в доходах от рэкета), так и в готовности также поучаствовать в извлечении выгоды в ситуациях недостаточной правовой определенности условий ведения предпринимательской деятельности. Кстати, в какой-то момент коррупция даже стала рассматриваться либералами-сахаровцами как благо для российской экономики, на что неоднократно указывали и авторы выше упомянутого сборника о неэкономических гранях экономики [14, с. 437, 463 и др.].

Наряду с этим возникает вопрос и о темпах преобразований, от которых может зависеть успех либо неуспех реформы. С

одной стороны, результаты реформационных начинаний должны быть достаточно очевидны в течение не слишком длительного срока, с другой – поспешность в их реализации является одним из источников возникающих институциональных ловушек. В частности, цейтнот и связанные с ним опасения провала действий правительства реформаторов неизбежно вызывают частую смену «правил игры», трактуемую как необходимая «корректировка курса реформы». О.С. Сухарев описывает такого рода ситуацию на примере шахматной игры между гроссмейстером и второразрядником. При постоянном изменении правил вероятность того, что проиграет гроссмейстер, значительно возрастает [19]. Е.В. Балацкий уточняет, что каскад институциональных преобразований сам по себе ведет к возникновению институциональной ловушки [2, с. 50].

Ускорение темпов преобразований вызывалось, как теперь представляется, рядом обстоятельств субъективного или даже личностного характера.

Во-первых, показательный эффект, полученный в результате либерализации цен, мог вызвать у реформаторского блока правительства своеобразное «головокружение от успеха». Хотя следует учитывать, что «чудесное» наполнение прилавков отечественных магазинов ранее где-то отсутствующими товарами в тот момент так и не получило логичного объяснения. По крайней мере, осмысление этого феномена наводит на мысль, что либо «команда Гайдара» обладала некими необъяснимыми возможностями, чтобы произвести за несколько дней невероятные объемы потребительских товаров в широчайшем ассортименте, либо товарный дефицит, резко обострившийся к концу 1991 г., был вызван искусственно и преследовал вполне пропагандистскую цель – продемонстрировать эффективность и, соответственно, безальтернативность заявленной программы преобразований.

Во-вторых, приватизация государственной и муниципальной собственности как ядро институциональных преобразований форсировалась сознательно, несмотря на предостережения со стороны и ряда политических сил, и академического сообщества. Цели при этом преследовались как явные, так и тайные. В «Программе углубления экономических реформ в России», подготовленной к лету 1992 г., когда уже было ясно, что начала раскручиваться инфляционная спираль, был даже выделен специальный раздел «Институциональные изменения в экономике – предпосылки будущего роста» [17, с. 33–46]. В нем формирование рынка капитальных товаров, земли и недвижимости преследовало вполне определенные цели: 1) появление широкого слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики; 2) повышение эффективности производства путем образования новой эффективной структуры собственников.

В настоящее время тогдашние надежды на «социально ориентированных эффективных собственников» могут вызвать не только улыбку, но и сомнения в способности разработчиков программы адекватно отражать реальность. Между тем зарубежные эксперты отмечали, что в условиях благоприятной политической ситуации, когда население сохраняло веру в Б.Н. Ельцина, молодые реформаторы просто спешили успеть пройти «точку невозврата», после чего возвращение государству уже приватизированного имущества стало бы довольно дорогостоящим процессом, что могло бы ограничить активность будущих консервативных правительств [8, с. 76].

В-третьих, сказывался и сугубо личностный фактор. Не секрет, что реформаторский блок правительства составляли отнюдь не бесребреники и нестяжатели, воодушевленные и руководствующиеся исключительно высокими идеями. Ю.Ю. Болдырев, входивший в Высший

консультативно-координационный совет при Б.Н. Ельцине, а в 1992–1993 гг. к тому же и возглавлявший Контрольное управление администрации Президента РФ, по случаю кончины Е.Т. Гайдара вполне определенно отозвался о его соратниках: «Клейма негде ставить», добавив, что именно молодые реформаторы в свое время подменили революцию либеральную революцией криминальной [3, с. 123–124].

В этом плане «размножение» неэффективных, но устойчивых институтов квазирыночной экономики не противоречило общей логике преобразований. Противостоять же валу институциональных ловушек, вольно или невольно порождаемых реформаторским блоком правительства в первой половине 1990-х гг. могла бы так называемая «стратегия промежуточных институтов», предполагающая управляемое выращивание необходимых институтов и даже институциональные эксперименты. Однако Е.В. Балацкий, признавая плодотворность философии промежуточных институтов, справедливо отмечает, что она бывает направлена не на борьбу с уже появившимися институциональными ловушками, а с управленческими ошибками, способными их породить [2, с. 50]. Однако в 1992–1993 гг. трудно было бы представить, что высшее руководство страны признает свои ошибки и пойдет на коренную смену экономической политики, в частности на существенное замедление темпов приватизации.

В связи с этим возникает вопрос об оптимальных сроках планирования преобразований и прогнозирования получаемых при этом результатов. Е.В. Балацкий утверждает, что именно горизонт планирования является ведущим фактором технологической и институциональной эволюции. Отсюда, поскольку для развивающихся стран и стран с переходной экономикой характерна политическая и хозяйственно-правовая нестабильность, то и горизонт планирования в них оказывается, как пра-

вило, незначительным. В свою очередь данный факт предопределяет доминирование краткосрочных интересов фирм над долгосрочными и содействует технологической консервации национального производства [2, с. 56–57, 58].

Тем самым в российской экономике 1990-х гг. складывалась своеобразная ситуация: ускоренные темпы преобразований, направленных в том числе и на технологическое обновление производства, обуславливали обратный эффект – не только сохранение, но и углубление технологической отсталости страны, то есть подрыв конечном счете основ ее экономической безопасности.

В этом плане иную картину можно увидеть, если оценить ход реформирования экономики Китая. III Пленум ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., провозгласив курс на развертывание широкой и всеобъемлющей реформы экономической системы в КНР, определил, что решение основной задачи – повышение уровня производительных сил страны с целью удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей трудящихся – будет обеспечено только к середине XXI в. Соответственно, первый этап преобразований (до 1990 г.) предполагал лишь решение проблемы обеспечения населения продовольствием и одеждой. Общество «среднего достатка» должно было возникнуть к 2000 г., и еще полвека отводилось на комплексную модернизацию народного хозяйства в целом [20, с. 4–5].

При этом китайские реформаторы во главе с Дэн Сяопином предпочли не разрушать государственный сектор промышленности, лишь позволив частному капиталу занять те ниши, где он был более производителен. Собственно говоря, наблюдаемые в настоящее время, несмотря на кризисные явления в экономике КНР, технологическое перевооружение национального производства и повышение качества китайской продукции – результат совместных усилий и государства, и частных инвесторов, своих и

зарубежных, а связанные с этими процессами институты – вращивались на протяжении десятилетий.

Естественно, поклонники либеральной демократии могут возразить, что экономические успехи Китая обеспечивает тоталитарный режим, нарушающий права человека и т. д. К тому же бурный экономический рост, особенно в свободных экономических зонах и столичном регионе, не отменяет того факта, что китайская деревня и маленькие провинциальные города отличаются гораздо более низким уровнем жизни населения. Тем не менее факт реальной эффективности государственного сектора экономики в рыночных или квазирыночных условиях невозможно отрицать. Иными словами, вновь была подтверждена столь нелюбимая представителями *mainstream'a* истина: экономическая эффективность определяется не формой собственности на средства производства, а качеством менеджмента.

Однако пример реформы в Китае, равно как и показательный затянувшийся более чем на полвека процесс евроинтеграции, не дают ответа на вопрос, каким же должен быть оптимальный срок планирования назревших преобразований в социально-экономической сфере. В данном случае поиск исторических аналогий целесообразно сочетать с возможностями абстрактно-логического метода анализа, привязав реформационный цикл, то есть явление, определяемое во многом субъективными обстоятельствами, к циклам, характеризующимся более объективными предпосылками и процессами протекания – среднему циклу конъюнктуры (циклу К. Жюглара) и большому циклу конъюнктуры («длинной волне» Н.Д. Кондратьева). Иные выделяемые в экономической литературе циклы для анализа практически не годятся вследствие либо своей непоказательности (сезонные колебания, годовые циклы), либо бессмысленности (вековая и тысячелетняя тенденции).

Как аксиому следует признать тот факт, что любые обещания реформаторов, для выполнения которых предполагается потратить от одного года до трех лет, носят исключительно популистский характер и в качестве истинной цели могут преследовать лишь получение краткосрочных политических эффектов. Собственно говоря, ничем, кроме желания укрепиться у власти, нельзя объяснить заявления младореформаторов о том, что первые позитивные эффекты от начинающих радикальных преобразований (финансовая стабилизация, начало экономического подъема и т. д.) будут обеспечены уже к осени 1992 г.

Прогноз, рассчитанный на 5–10 лет, уже имеет право на существование. При этом не важно, осуществляются первые преобразования на начальной стадии или в середине цикла К. Жюглара. В любом случае их следствием станут как закрепление позитивных трендов, так и противодействие негативным тенденциям в реформируемой экономике.

Наконец, горизонт планирования с ориентацией на несколько десятилетий (до 50 лет и более) однозначно должен предполагать формирование базы для нового большого цикла конъюнктуры. Не случайно Н.Д. Кондратьев в качестве первой из «эмпирических правильностей», характерных для «длинной волны», называл «значительные изменения в основных условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются (в той или иной комбинации) в глубоких изменениях техники производства и обмена (которым в

свою очередь предшествуют значительные технические изобретения и открытия), в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни и т. д.» [7, с. 199–200]. Соответственно, такого рода длительный горизонт планирования делает ставку на переход к новому технико-технологическому уровню социально-экономического развития страны. В этом отношении показательна недавно принятая программа «Наука и технологии в Китае: дорожная карта к 2050 году», ориентированная на мировое технологическое лидерство китайской экономики к середине XXI в.

Так что можно предположить, что альтернативный вариант реализации современной экономической реформы в России с горизонтом планирования в расчете на несколько десятилетий при низких темпах приватизации обусловил бы формирование крупных состояний в достаточно долгосрочной перспективе, а институты рыночной экономики в основном не трансплантировались, а выращивались бы предположительно в рамках различных вариантов государственно-частного партнерства. Соответственно переход к более высоким технико-технологическим укладам прошел бы более естественным путем, и тем самым укреплялась бы экономическая безопасность России.

Институциональных ловушек нельзя избежать и в этом случае, но у государства и общества имелось бы больше возможностей для минимизации последствий их возникновения.

Список использованных источников

1. Абалкин Л.И. На перепутье (Размышления о судьбах России). М.: Институт экономики РАН, 1993.
2. Балацкий Е.В. Институциональные и технологические ловушки: анализ идей // Журнал эконом. теории. 2012. № 2. С. 48–63.
3. Болдырев Ю.Ю. Смерть Егора Гайдара: очередные пляски на костях, или основание для честной дискуссии? (Открытое письмо обществу и соратникам Егора Гайдара) // Болдырев Ю.Ю. В модернизацию – с черного хода? М.: Вече, 2012. С. 122–125.

4. Гребёнкин А.В., Лаховская Е.Г., Янбулатов Е.А. Основы теории экономических нововведений. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990.
5. Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопросы экономики. 1993. № 4. С. 19–26.
6. Когут А.Е. Теория экономических реформ: Основные положения. Л.: Изд. ин-та соц.-экон. проблем, 1991. С. 16–18.
7. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / редкол. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. С. 170–411.
8. Корпоративное управление в переходных экономиках: инсайдерский контроль и роль банков / под ред. Масахико Аоки и Хьюнг Ки Кима; науч. редакция перевода и вступ. статья В.С. Катыкало и А.Н. Клепача; пер. с англ. Д.Л. Волкова, В.С. Катыкало, Т.Н. Клемкиной, А.Н. Клепача, П.А. Рессера. СПб.: Лениздат, 1997.
9. Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144–152.
10. Ленин В.И. Письма о тактике // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 131–144.
11. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М.: Политиздат, 1991.
12. Максимов С.Н. Экономическое развитие и хозяйственные реформы к проблеме теории хозяйственных реформ) // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1989. № 6. С. 105–110.
13. Медушевский А. Реформы и контрреформы в истории России // Коммунист. 1991. № 2. С. 97–108.
14. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов» / рук. междисциплинарного проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинарного проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
15. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математ. методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
16. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Эконом. наука совр. России. 2001. № 3. С. 24–50.
17. Программа углубления экономических реформ в России. М.: Республика, 1992.
18. Состояние и противоречия экономической реформы / М.Ц. Мкртчян, В.О. Овакимян, Р.А. Саркисян, А.Н. Спектор. М.: Экономика, 1998.
19. Сухарев О.С. Институциональные изменения и иерархические структуры – III // Капитал страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/178191>.
20. Цзиньянь У. Экономическая реформа в КНР. М.: Наука, 1990.
21. Экономические реформы в России: итоги первых лет (1991–1996). М.: Наука, 1997.